

© Н. А. Зотова

**КИШЛАК У РЕКИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРИМЕРЕ
ОДНОГО ПОСЕЛЕНИЯ**

Ключевые слова: Средняя Азия, Таджикистан, миграция, миграционные процессы, социальные процессы

В статье рассматривается жизнь таджикского селения сквозь призму миграционных процессов, их комплексного влияния на структуру сельского сообщества и включенности в повседневные реалии жителей селения. Масштабная трудовая миграция формирует новые социальные реалии, отражаясь в повседневных практиках, а также важных событиях жизненного цикла (свадьбы и другие обряды); меняет структуру потребления и материальные запросы. Исследование миграционных процессов на примере отдельного селения позволило выявить как общие черты внешней трудовой миграции из Таджикистана и её влияния на социальную жизнь, так и региональные особенности.

При изучении феномена достаточно “молодой” в исторической перспективе широкомасштабной миграции из стран Средней Азии в Россию за последние 10–15 лет было опубликовано значительное количество общих работ, посвященных проблемам миграции трудовых ресурсов, демографическим и экономическим аспектам, денежным переводам и государственной политике в области регулирования миграционных процессов, международной миграции¹. Однако обобщающие работы не могут удовлетворить потребность исследователей во внимании к деталям; не имеют необходимого инструментария для фиксирования и описания ситуации с точки зрения отдельных участников миграционных процессов, их судеб и личной жизненной истории.

Как писал исследователь миграции из Ливана Г. Хейдж: “После того, как я провел многие годы за изучением самых разных работ в области исследования миграций и диаспор, я пришел к выводу, что из всех областей науки, которые изучают глобализацию, миграцию и мобильность, для исследования таких сложных социальных реалий ни одна дисциплина не подходит лучше, чем этнографический анализ. В наибольшей степени это объясняется тем, что такие социальные реалии требуют взгляда с двух сторон; такой двойной взгляд позволяет увидеть и описать как разные живые культуры со всеми присущими им мельчайшими особенностями, так и использовать аналитические методы для описания глобальных процессов, которые структурируют их” (Hage 2005: 474). Такой подход применялся в миграционных исследованиях и обсуждался самыми разными авторами в течение длительного времени².

Однако значительная часть работ как в России, так и в Средней Азии написана сходным образом – в них есть цифры и размышления о миграции в общем. В странах Средней Азии, которые служат основными донорами трудовой миграции в Россию, проводятся социологические исследования миграционных процессов; в некоторых публикациях приводятся результаты качественных социологических исследований, фрагменты глубинных интервью с участниками миграционных процессов, анализ

Наталья Александровна Зотова – к.и.н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: nata-yak@mail.ru.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ “Проблемы межкультурного взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и российского общества” № 11-01-00045а

фокус-групп, размышления о трансформации гендерного порядка в результате массовых миграций (см., напр.: Касьмова 2007; Olimova, Olimov 2007a; Families of Migrants 2007; Трудовая миграция 2008; Бозрикова 2009). Исследований среднеазиатских миграций, написанных с позиций культурной антропологии, для которых характерно сочетание макро-анализа структурных процессов с микро-анализом, опубликовано в настоящее время немного. Здесь можно выделить исследования М. Ривз, которая изучает проблемы миграции из сельских районов Южного Киргизстана. Ее интересует, как принимается и обсуждается решение о миграции, как эти решения “вписываются” в контекст местной экономики, что меняется в жизни селения и отдельных людей с отъездом на заработки и т.д. (Ривз 2009). Кроме того, можно отметить ряд интересных наблюдений авторов французского издания, посвященного проблемам миграции из Центральной Азии (Dynamique migratoires 2010). С. Массо исследует вопросы идентичности в контексте сельско-городских миграций в Узбекистане; трудовую миграцию из Узбекистана в Россию и США, проблему принятия решения о миграции в контексте “семейное – индивидуальное”, социальные изменения в посылающей стране, связанные с миграцией. С. Хоманн интересуют проблемы миграции из Таджикистана, её социально-экономического эффекта и вопросы медицины и здоровья. Н. Хусейнова, как и С. Хоманн, приводит общую характеристику миграции из Таджикистана, а также рассуждает на тему феминизации миграционных потоков. С. Белуан исследует иной пласт миграционных процессов – в фокусе её внимания находятся высокообразованные женщины Ташкента.

В собственных исследованиях я стремлюсь использовать возможности антропологического подхода. Настоящий очерк не претендует на полноту и всемерный охват всех следствий миграционных процессов, которые можно заметить в Республике Таджикистан. Однако при написании настоящей статьи мне хотелось взглянуть на трудовую миграцию глазами жителей одного таджикского селения; отметить степень влияния внешней миграции на жизнь селения и его жителей, проследить изменения, связанные со значительным масштабом миграции в Россию, отметить, как миграция воспринимается теми, кто постоянно проживает в кишлаке и отражается в их повседневной реальности.

Одно селение в Каратегине. Каратегином называется историко-культурная область, занимающая долину среднего течения р. Сурхоба – Вахша, крупнейшего притока р. Амударьи. На севере и востоке этот горный район граничит с Узбекистаном и Киргизией, а через южные перевалы связан с горным регионом Вахио (долина р. Обихингоу) и через него – с Бадахшаном. В Каратегине было развито земледелие; преобладающее значение имели зерновые культуры, в первую очередь пшеница и ячмень; скотоводство являлось второстепенной отраслью хозяйства. В крае были развиты и домашние кустарные промыслы. На этой территории было широко распространено отходничество, то есть уход мужчин на заработки. Н.А. Кисляков отмечал: “Отходничество объясняется при существовавшем уровне развития производительных сил аграрной перенаселенностью Каратегина, малоземельем и безземельем некоторой части его населения, общей бедностью, а также избытком рабочих рук. На отхожих промыслах в Фергане, Ташкенте и других городах и местностях Средней Азии каратегинцы в прежнее время держались самостоятельными группами, организовывавшими часто коллективное питание и нанимавшиеся на работу целыми артелями” (Кисляков 1954: 5, 117–120). Отходничество было широко распространено среди жителей многих горных долин современного Таджикистана и описано во многих работах русских исследователей конца XIX–XX вв.³

Каратегин был отдалённым и бедным регионом, что оказало влияние на развитие региона в советский период и после распада Советского Союза. Во время гражданской войны 1992–1997 гг. туда бежали от репрессий многие исламские деятели; эти районы считались оплотом оппозиции, которая вводила исламские порядки. Здесь была сде-

лана попытка провозглашения независимой Гармской исламской республики (*Бушков, Микульский* 1997: 65, 67–68, 82–83, 117). На протяжении длительного времени республиканские власти не контролировали регион, который был изолирован от внешнего мира. Таким образом, история Каратегина определила его характерные особенности настоящего времени. Здесь в значительной мере сохранился традиционный уклад жизни; большая религиозность местного населения; сохраняется четкое разделение мужской и женской сфер (общественная – частная), символическая изоляция женщин; заметны процессы исламизации общества и т.д. Эти особенности влияют и на характер миграций из региона.

Мое исследование проводилось в августе 2010 г. При поиске селения для работы мной учитывались некоторые характеристики: местоположение в верхней части долины; не очень большой размер. Также мне хотелось, чтобы селение не являлось центром района или других административных единиц. В таджикских городах и крупных поселениях спектр занятости шире; жители имеют больше возможностей найти работу в государственных структурах или заработать в собственном бизнесе. Соответственно, трудовая миграция и стратегии населения из городов, крупных селений, равнинных территорий отличаются от горных территорий, где возможности заработка вне собственного хозяйства практически отсутствуют. В моем исследовании мне хотелось представить жизнь небольшого горного поселения, достаточно замкнутой сельской общины. Сам кишлак К. был выбран на карте случайно; в сущности, меня привлекло красивое название. Выбор оказался очень удачным, а само селение – живописно расположенным над быстрым могучим Сурхобом.

Селение расположено у реки; в одном километре от него находится районный центр Таджикабад. Таджикабад стоит на главной дороге, проходящей через всю долину, это оживленная трасса Душанбе – Джиргиталь. Кишлак делится на пять махалля; в селении насчитывается порядка 3000 человек. Земли здесь хватает; многие семьи взяли в аренду наделы по одному – два гектара. Более состоятельные жители после распада Союза выкупили сельскохозяйственную технику, тракторы. Основным товарным продуктом верховий Раштской долины является картофель⁴, его продают в Душанбе. Пшеницу местные жители выращивают для собственного потребления. Также у кишлака есть хорошие пастбища, которые расположены выше в горах; на летовках выпасают овец, на ближних к селению пастбищах держат коров. Однако серьезный экономический кризис вследствие распада СССР (снижение зарплат и пенсий) и гражданская война привели к тому, что даже при относительно наличии земли люди не могли себя обеспечить, что вызвало массовую миграцию. Историческая традиция отходничества в поисках заработка была распространена в пределах небольшого региона; огромные волны международной миграции из Каратегина, и в целом Таджикистана – примета новейшего времени, постсоветского периода.

Миграция в повседневной жизни. По данным С. и М. Олимовых на 2007 г. доля мигрантских домохозяйств (это домохозяйства, хотя бы один член которых выезжал на заработки) в целом по Таджикистану составляла около 40%, а в сельской местности – 41,5% (*Олимова, Олимов* 2007б). Экономический кризис 2008–2009 гг. не оказал длительного воздействия на миграционные процессы: “Проблема возвращения мигрантов широко обсуждалась зимой 2008–2009 годов в Таджикистане, так как предполагалось, что в ходе развития кризиса сотни тысяч трудовых мигрантов вернуться домой, что резко ухудшит экономическую и социальную ситуацию в стране. ... Однако в действительности волна возвратной миграции в странах Центральной Азии, в том числе в Таджикистане, оказалась краткосрочной и относительно небольшой” (*Олимова, Олимов* 2010). По данным на 2009 г. доля мигрантских домохозяйств во всем Таджикистане достигла 47% (*Олимова, Олимов* 2011). Эта доля соответственно возросла и в сельской

местности. Таким образом, видно, что степень вовлечения жителей Таджикистана в миграционные процессы стабильно увеличивается с течением времени.

Явление выезда на заработки в другую страну из чего-то крайне необычного и экзотичного стало обыденным, частью повседневных стратегий и практик населения. В статье я хочу показать, как миграция влияет на повседневную жизнь сельских жителей, дополняя отдельные кейсы и фрагменты бесед с жителями изучаемого кишлака своими рассуждениями и анализом.

В августе полевые работы в кишлаке в разгаре. Одновременно летний сезон – это время, когда значительная часть молодых мужчин уезжает на сезонные заработки в Россию, а часть, напротив, возвращается из более длительных поездок в отпуск. По оценкам жителей селения, в миграционных процессах участвует подавляющее большинство домохозяйств, отправляя на заработки мужчин (одного или нескольких). Председатель сельсовета отметил, что в тот момент на заработках в России находилось около 300 молодых мужчин в возрасте 18–30 лет. Сын председателя добавил: *“Сейчас в кишлаке много кто уехал, поля обрабатывают младшие сыновья, кому по 15 лет. Кто постарше – все уехали”* (ПМА, 2010; мужчина 24 лет).

Большая часть мужчин отправляется в Санкт-Петербург, а также разные города Сибири, в частности, Иркутск. Мужчины старшего поколения, назовем их “отцы”, ездили в Россию на протяжении длительного времени, некоторые свыше 10 лет (например, с 1996 по 2008 гг.). Многие в последние годы перестали выезжать на заработки, передав эстафету своим детям. Взрослые мужчины стали выезжать в Россию во время гражданской войны в Таджикистане, эта была вынужденная мера в опасные времена. Постепенно эта волна переросла в трудовую миграцию. С течением лет “отцы” смогли заработать деньги на нужды своей семьи, построили новые дома для своей семьи или сыновей, устроили свадьбы для сыновей и дочерей. Некоторые приобрели легковые машины или грузовики КАМАЗ. Грузовики служат способом заработка в самом селении – жители кишлака не могут самостоятельно отвезти выращенную картошку в Душанбе, и продают ее перевозчикам – владельцам большегрузных машин, которые отвезут урожай в столицу. Таких машин в кишлаке несколько.

Визуальные знаки влияния миграции можно наблюдать во всем кишлаке, как на улицах и окраинах, так и в границах домохозяйств, в его повседневной и праздничной жизни. Это строящиеся и недавно построенные дома на вновь осваиваемых землях около селения, большегрузные и легковые машины около домовладений, строящийся частный магазинчик на главной улице, новые дома и пристройки в границах старых домохозяйств, свадебные наряды и богатое приданое молодой невесты, бытовая техника и т.д. Этот феномен характерен не только для Каратегина и в целом Таджикистана; сходные процессы происходят в Средней Азии в целом и в других регионах мира с высоким уровнем внешней миграции из сельских районов⁵.

В целом, новейшая история миграций из Таджикистана насчитывает уже 15–17 лет, за это время изменились сами мигранты, их планы и восприятие собственного опыта. Многие мигранты старшего поколения в последние годы перестали выезжать на заработки, передав эстафету своим детям; таким образом, происходит естественная смена поколений мигрантов. Новая волна мигрантов, назовем их “сыновья”, отличается от поколения “отцов” по своим характеристикам и стратегиям. Как будет показано ниже, миграция обусловлена не только экономической необходимостью, значимым ресурсом мобильности и личного развития, но становится предметом обсуждения и выбора в пределах домохозяйства.

Решение об отъезде. Одно из различий в миграционной истории поколения “отцов” и “сыновей” – это как обсуждается и принимается решение об отъезде на заработки. Начало выезда мужчин в Россию относится к периоду гражданской войны в Таджикистане; первоначально отъезд мужчин был вынужденной мерой, но и после окончания военных действий выехать в другую страну было достаточно сложным

предприятием из-за нехватки денежных средств. Исследователи отмечали важную роль, которую играл *авлод* в процессе выезда: “Огромную роль в принятии решения о выезде, выборе направления миграции, сборе средств для выезда, переправке, поиске работы на выезде, поддержке мигрантских домохозяйств ... принадлежит авлоду. До сих пор пережитки авлода – кровнородственной патрилинейной родовой общины – очень сильны в таджикском обществе, особенно в сельской местности” (Олимова, Боск 2003: 51–55). Ту же мысль об исключительной роли авлода повторяют и многие другие исследователи. Так, например, Н. Хусейнова отмечает: “Обычно решение об отъезде потенциального мигранта обсуждается на семейном совете, утверждается старшими членами авлода, прежде всего, самыми старшими родственниками по отцовской линии. Они обладают самым большим социальным авторитетом, все важные решения в жизни членов родственной группы принимаются с их согласия. Они решают, где будет жить семья мигранта во время его отсутствия, распределяют обязанности между оставшимися членами семьи, и дают свое “благословение” мигранту на выезд. Если сразу несколько молодых членов семьи вступают в возраст, когда можно выехать на заработки, они выезжают по очереди, оставляя жену и детей на попечение других членов авлода. В этом случае мигрант может оставаться в другой стране в течение нескольких лет” (Khusenova 2010: 282). При этом Н. Хусейнова делает оговорку: “...Развитие индивидуализма и изменение традиционных представлений в условиях городской среды способствует ослаблению семейных связей” (Khusenova 2010: 282).

Мне бы хотелось остановиться на этом более подробно. При проведении собственного полевого исследования я работала не только в описываемом селении, но и в других местах верховий Раштской долины – посещала дома жителей соседних сел, беседовала с жителями районного центра и представителями официальных органов; также работала в Джиргитальском районе. Одной из тем, которую я постоянно затрагивала в беседах с информантами, был вопрос о том, как они приняли решение поехать в Россию, с кем советовались и т.д. Почти всегда ответ формулировался примерно так: “Я решил поехать сам (или – мы поехали с друзьями, односельчанами, бригадой); отец не возражал” (ПМА, 2010; мужчина 30 лет). Пожилые люди также говорили, что сыновья с ними только советуются, или просто ставят в известность о своем решении. У молодых людей я дополнительно уточняла, что происходит в случае, если в семье несколько взрослых сыновей, и все они хотят уехать на заработки. Мне отвечали, что в таком случае: «*Братья сами договариваются между собой. Например, говорят друг другу: “Ты в прошлом году ездил [в Россию], в этом году отдохни, побудь дома, посмотришь за хозяйством. Я поеду, а в следующем году поедешь ты”*» (ПМА, 2010; мужчина 30 лет). У женщин я интересовалась, как уезжают молодые люди, которые еще не имеют опыта миграции. Они говорили: “*Ребята сами договариваются между собой, ещё когда школу заканчивают. После окончания школы одноклассники своей компанией и едут*” (ПМА, 2010; женщина 58 лет; женщина 63 лет). Таким образом, произошло накопление значительного коллективного опыта; новые мигранты уезжают на заработки, руководствуясь примером родственников и односельчан. Такой процесс можно охарактеризовать термином “цепная миграция” (chain migration)⁶.

Кроме того, в настоящее время стало значительно легче аккумулировать необходимые средства для покупки билета. Раньше деньги можно было только одолжить у родственников или односельчан, однако с развитием банковского сектора в Таджикистане банки стали предлагать услуги микрокредитования, в частности на покупку билетов. В райцентре есть несколько филиалов различных банков, в которых можно взять такой кредит. Так, широкое развитие миграционных сетей, накопление коллективного опыта и распространение банковских услуг значительно упростили принятие решение о выезде на заработки. По моему мнению, на современном этапе развития миграционных процессов в Таджикистане можно подвергнуть сомнению тезис об исключительной роли авлода в этой сфере – произошел сдвиг из области коллективного

принятия решений, который был прерогативой авлода, в область индивидуального действия отдельных акторов.

Однако рассматривать решение о миграции и отъезд на заработки только как индивидуальное действие было бы не совсем верно. Жители селения, выезжающие в Россию работать, действительно формулируют и осознают свое решение как индивидуальное, но это скорее ментальный образ и их представление о миграции. Широкий размах миграции формирует новую реальность, по-новому структурирует социальные отношения в кишлаке – меняется механизм и процедура принятия решений. Значительное влияние приобретают горизонтальные социальные сети – решение о миграции принимается и обсуждается с братьями, друзьями, одноклассниками. Меняются и сферы ответственности; например, братья договариваются между собой, кто будет следить за хозяйством, оставшись дома в тот или иной сезон. Как будет показано ниже, значимым фактором, влияющим на возможность отдельных участников миграционных процессов выезжать на заработки, является экономическое положение домохозяйств. Таким образом, наиболее верным представляется видение миграции как социального явления, сложной комбинации разных факторов. М. Бойд, анализируя накопленные к концу 1980-х гг. в научной литературе подходы, писала: “Изучение сетей, в особенности связанных с семьей и домохозяйством, позволяет понять миграцию как социальный продукт – не только как результат индивидуальных решений индивидуальных акторов, или только результат влияния экономических и политических факторов, но как продукт взаимодействия всех факторов в совокупности” (Boyd 1989: 642).

Экономический эффект миграции и стратификация. Изначально миграция была средством выживания домохозяйств. В настоящее время можно говорить о первых признаках появления стратификации домохозяйств кишлака по признаку успешности миграционных стратегий их членов. Как я отмечала выше, визуальные знаки использования полученных денежных ресурсов заметны в поселении повсюду. Это характерно для самых разных мест, где миграция имеет массовый характер, и отмечается во многих публикациях, посвященных влиянию миграций на социальную жизнь стран-доноров. М. Ривз в публикации о южном Киргизстане говорит: “Разница в заработках в Таш-Булаке обрела вполне материальное выражение: ее свидетельствами выступали отремонтированные дома и хозяйственные постройки, а также бытовые товары – холодильники или DVD-плееры и музыкальные центры, заботливо выставленные в жилище на самых видных местах” (Ривз 2009).

Case 1. Обычная семья. Мой информант – молодой мужчина около 30 лет. Работал в Санкт-Петербурге в строительной отрасли на протяжении трех лет с перерывами. В один из приездов домой женился; на заработанные в России деньги купил автомашину и покрыл часть расходов на свадьбу; также привез жене из Санкт-Петербурга швейную машинку и музыкальный центр. В Санкт-Петербург ездил к брату, который работал там на протяжении более длительного времени. Брат информанта на момент исследования также находился на родине, он построил для своей семьи новый дом, куда должен был переехать в ближайшее время (ПМА, 2010).

Затраты на строительство нового дома оцениваются в 10–20 тысяч долларов США. Практика безвозмездной помощи в строительстве соседями и родственниками, *хашар*⁷, сейчас не распространена. Это единодушно утверждали все информанты в кишлаке, отмечая: “Сейчас время такое. Даже если сын отцу строит, у отца деньги попросит”. По их мнению, обычаи так изменились после гражданской войны. Мне представляется также, что заметное влияние на исчезновение практики *хашара* оказали миграционные процессы. Массовый выезд на заработки повлек за собой рост наличных денежных средств у населения и, как следствие, распространение оплачиваемых услуг. Мастеров из других мест могут приглашать на разных этапах стройки – так, зачастую разные мастера заливают фундамент; изготавливают сырцовые кирпичи и кроют крышу. При укладке стен из готовых сырцовых кирпичей или возведении

саманных стен хозяину могут помогать близкие родственники – братья, дяди или племянники. Таким образом, если в прошлом деньги в соседских и родственных отношениях рассматривались как нечто предосудительное; то миграция способствовала сдвигу восприятия дихотомии “допустимое – недопустимое”.

Case 2. Владелец магазина. Жители райцентра и соседних селений, расположенных вдоль автотрассы, имеют больше возможностей для заработка и ведения мелкого бизнеса. Вдоль дороги расположены многочисленные частные магазины; в райцентре есть также отделения банков и государственные учреждения, школы, медицинское училище и техникум, рынок. В силу этого уровень занятости населения выше, чем в изучавшемся кишлаке, где жители работают только в сфере сельского хозяйства. Моему информанту немногим более 40 лет; еще до распада Советского Союза он служил в армии в Амурской области. С 1997 г. на протяжении 10 лет работал в Иркутске на разных строительных объектах. Два года назад перестал выезжать в Россию, так как заработал достаточно денег, чтобы открыть собственный магазин. У него две жены и шестеро детей. Новый магазин довольно большой; это двухэтажное здание на въезде в селение; там торгуют продуктами питания, одеждой, обувью, хозяйственными товарами. Владелец заметил: “*Когда у нас хорошо торговля идет? Когда ребята в России хорошо зарабатывают, домой деньги отправляют. А сейчас кризис⁸, и у нас дела похуже*”. И добавил: “*Наши [ребята] в России за 500 долларов уже не работают. Если бы не кризис, многие бы уже не ездили, здесь работа появилась. Сейчас у каждой семьи сын в России есть. Из нашего кишлака в основном в Санкт-Петербург ездят. Ребятна едут работать на свадьбу, дом, машину. Раньше мы ездили, приезжаешь домой (в 1998 г., например), всем так интересно – как там, в России? Как там работают? А сейчас все там были*” (ПМА, 2010, мужчина 43 лет).

Для наиболее активных и предприимчивых миграция становится не просто способом заработать на текущие потребности семьи и проведение обрядов жизненного цикла, но и инвестировать в собственное дело. Показателем высокого социального статуса информанта является и наличие у него двух жен. Интересно отметить его наблюдение о тесной взаимосвязи и зависимости местной экономики от денежных переводов мигрантов – доходы магазина зависят от того, сколько денег мужчины отправляют домой, поскольку значительная часть денежных переводов расходуется в потребительском секторе.

Однако есть и семьи, которые остаются на обочине новых социальных реалий. Значимым образом в изучаемом кишлаке выделяются бедные семьи, члены которых по тем или иным причинам не выезжают на заработки в Россию. Зачастую это связано с личными качествами мужчин – наличием или отсутствием инициативности и предприимчивости, необходимыми для успешной работы на выезде. К таким семьям жители селения относятся с сочувствием.

Case 3. Бедная семья. Достаточно новый дом стоит на самом краю селения (по-видимому, дом был построен, когда молодая семья отделилась от родителей). Дом почти не огорожен, вокруг него нет деревьев и тени; внутренние помещения явно нуждаются в ремонте. Около дома есть небольшой огород, где хозяйка выращивает картошку, лук, морковь, чеснок и немного пшеницы. У семьи нет коровы, они держат только птицу – кур и индюшек. Муж пьет – понемногу собирает на огороде овощи, продает на базаре райцентра и покупает на выручку алкоголь. Хозяйке немногим более 30 лет, у нее 4 детей в возрасте от 10 до 3 лет. Муж один раз ездил в Россию, “*но что-то там у него не получилось*”. Он не смог заработать, и не привез домой денег и подарков. Старший мальчик тогда был еще маленьким, и знакомые подшучивали над ним: “*“Что отец тебе из России привез?” – “Только бутылку “Колы” привез”*», – правдиво отвечал мальчик...

Информанты в кишлаке называли среди семей, не участвующих в миграции, тех, которые имеют маленьких детей и живут отдельно. Если уедет муж, его жене будет

трудно одной справиться с хозяйством и детьми. Я также получила еще один интересный ответ на вопрос: “Кто и почему *не* выезжает на заработки?” Мне ответили, что не уезжают те, “*которые слишком мусульмане*”. В пример привели мужчину лет 45, у которого 17 детей. Он только один раз съездил в Россию, “*но у него там не заладилось, поработал только 3–4 месяца, потом вернулся*”. По моему мнению, информанты под словами “слишком мусульмане” понимают отсутствие некоторой гибкости, которая позволяет успешно адаптироваться к жестким условиям принимающей страны. Очевидным образом некоторые мужчины чувствуют себя комфортно только в привычной среде, им сложно трансформировать свой “слишком мусульманский”, а точнее, традиционный, устоявшийся взгляд на существующий порядок вещей.

Однако на возможность выезжать на заработки оказывают влияние не только психологические причины; существенным фактором является характеристика домохозяйств. Мои информанты предложили здесь свой анализ – семьи, имеющие маленьких детей, живущие отдельно и т.п. Таким образом, не все домохозяйства в силу разных причин могут позволить выезд в миграцию своих членов. М. Бойд отмечала: “Домохозяйство – важная составляющая миграции, которая базируется на социальных сетях. В первую очередь, домохозяйство это самоподдерживающаяся система. В качестве такой системы домохозяйство обладает набором характеристик, которые определяют возможность отъезда и стратегии (паттерны) миграции. Значительное количество исследований показывает, что желание и возможность мигрировать, как и стратегии миграции определяются уровнем ресурсов домохозяйств, возрастом членов и половой структурой семьи / домохозяйства и этапом жизненного цикла семьи. Домохозяйства со средним количеством ресурсов более склонны поддерживать миграцию одного или нескольких своих членов, нежели домохозяйства, где ресурсов мало. Домохозяйства, где мало взрослых и, в свою очередь, много детей, менее склонны участвовать в миграции, поскольку у них нет вероятных кандидатов для этого; а также из-за низкой возможности заработка для тех, кто остается дома” (Boyd 1989: 642). Однако миграция является динамической системой, поэтому обстоятельства могут измениться, что будет оказывать воздействие на решение о выезде на заработки. Например, из-за возросших потребностей семьи мужчины, у которых появились маленькие дети, более склонны к миграции, чем недавно женившиеся.⁹ Также важно учитывать этапы жизненного цикла индивидуальных акторов, так как стратегии миграции здесь различаются. Итак, в рамках динамической системы миграции решение о ней принимается с учетом различных факторов, меняются стратегии, оценки успеха или неудачи, представления о миграции её непосредственных участников и родственников, остающихся дома и т.п. Иными словами, миграцию следует рассматривать как подвижную социальную систему.

Размышляя о категориях успешности миграционных стратегий, можно отметить, что одним из самых заметных показателей успешности миграции является отделение молодых семей. По моему мнению, можно говорить о том, что это стало одним из элементов стратегии молодых мужчин – заработать в России не только на проведение обрядов жизненного цикла (в первую очередь, свадьбу), но, главным образом, на постройку собственного дома и отделение от родителей. Именно отдельный дом, а не общее количество заработанных денег, стал рассматриваться в качестве важнейшего мерила успешности миграции. Подобные суждения высказывали многие информанты; приведу такой характерный фрагмент: “*Кто в Россию ездил – все живут отдельно, дома построили, машину купили. Кто не ездил – до сих пор живут с родителями*” (ПМА, 2010; мужчина 43 лет). Значительное увеличение количества нуклеарных семей в аграрных странах с высоким уровнем внешней трудовой миграции; строительство новых домов также отмечается во многих работах. Так, исследователь миграции из Турции Н. Абадан-Унат уже в 1970-е гг. писала: “Мигрантские домохозяйства можно выделить визуально по их сравнительно большим домам, которые обычно строят на

окраинах поселка; стены домов выкрашены каждая в разный цвет, и дома несут на себе печать новоприобретенной собственности и статуса: подоконники из металла и решетки на окнах. ... Более того, в Турции устанавливается новое социальное деление – между членами семей мигрантов и остальной частью общества” (*Abadan-Unat* 1977: 46–47). Сходные процессы новой социальной стратификации начинают происходить и в Таджикистане.

Брачное поведение. Размах трудовой миграции из Таджикистана определяет значительные изменения в брачном поведении молодых мужчин. Как отмечали в интервью мои информанты, сейчас молодые люди уезжают на заработки сразу после окончания школы, и работают в России на протяжении ряда лет. Они стремятся заработать на приобретение дорогостоящих предметов (бытовая техника, мотоцикл, автомобиль) и проведение свадьбы. Часть расходов на проведение свадьбы ложится на родственников, но значительную часть покрывает сам мигрант. Свадебные расходы очень велики, и жители кишлака также оценивают успешность молодого человека и семьи невесты по тому, как проводится свадьба, какое приданое получает невестка и семья жениха, какие наряды покупаются и шьются для невесты, как обставлен дом молодых. Это характерно не только для Таджикистана, но и других регионов Средней Азии. Снова процитирую М. Ривз: “Вступление в брак ... легко поглощает заработок нескольких лет, показывая, что в семьях молодых мужчин, идущих на это, умеют зарабатывать деньги. ... На нынешних праздниках (*мой*), – объяснял он [информант] мне, – люди смотрят не только на то, какие угощения подаются. Их интересует, как отремонтирован твой дом, что в нем есть, какие вещи тебе удалось привезти [из России]” (*Ривз* 2009).

Большая часть браков заключается “по обычаю”, по договоренности между старшими родственниками. Как показывает К. Харрис, в отличие от женщин, мужчины контролируются старшими и обществом только в значимые моменты своей жизни, в частности при принятии решения о браке (*Harris* 2004: 74). При этом есть случаи, когда молодые люди сами выбирают себе невесту, а иногда и женятся в принимающей стране. Так, в семье информантов из соседнего кишлака шестеро сыновей, из них двое женаты. Старшего женили “по обычаю”, родители сами выбрали ему невесту. Второй сын уехал работать в Казахстан, где познакомился с казашкой и женился на ней. В момент проведения исследования молодая семья с двухлетним ребенком гостила у родителей, причем сын вернулся домой впервые после трехлетнего отсутствия.

Некоторые молодые люди первый год после свадьбы проводят на родине, занимаясь хозяйством и домашними делами. Однако многие практически сразу возвращаются в Россию, поскольку не хотят терять место в бригаде или связь с работодателем. В исследуемом селении есть как сезонные мигранты, которые возвращаются домой на зиму, так и “постоянные” мигранты, которые возвращаются на родину только в “отпуск”, на один – два летних месяца, иногда не каждый год. В сущности, эти мужчины только символически присутствуют в жизни селения – они переводят деньги родным, строят новые дома (зачастую не участвуя лично в строительстве), их жены с маленькими детьми ведут домашнее хозяйство – но сами мигранты физически не присутствуют в привычной повседневности; есть только их образ, символ, фотографии, разговоры, обсуждения и представления родственников о них и их далекой жизни “где-то там”.

Case 4. Молодая невестка. Во дворе домохозяйства на центральной улице селения недавно был построен новый дом. Сын главы семейства работает на строительстве коттеджей в Санкт-Петербурге; заработанные деньги он послылал отцу, который построил ему новый дом. В начале лета сын приехал домой, чтобы жениться. Свою будущую невесту он знал с детства, их семья живет напротив через улицу. Через несколько дней после свадьбы молодой человек уехал обратно в Санкт-Петербург. Молодая жена хочет иметь ребенка, но муж при отъезде сказал: “*Не будем торопиться с детьми. Надо младшему брату (студент в Душанбе. – Н.З.) помочь, поставить его на ноги*”

(ПМА, 2010; женщина 21 года). О скором отъезде мужа старшая родственница отозвалась с сочувствием к молодой девушке: *“Она не успела узнать его как следует, он взял билет сразу, не подумал. Она обиделась, кажется. Думала, сразу забеременеет, сразу же не бывает”* (ПМА, 2010; женщина 67 лет). Муж молодой женщины должен был вернуться из России домой только следующей весной, то есть почти через год.

Специалисты отмечают, что в современном Таджикистане заметны два вектора: *“...фиксируется усиление патриархальных тенденций, с одной стороны, наличие модернизационных – с другой”* (Темкина 2005: 8). Однако отношения “невестка – свекровь” и положение молодой невестки в новой семье – это сфера, которая в наименьшей степени подвержена изменениям. Между невесткой и свекровью существует напряженная и сложная внутренняя борьба за распределение сил; быстрое рождение первенца всегда было важным для повышения социального статуса невестки. Если она надолго остается бездетной, а муж отсутствует, статус молодой женщины в новой семье очень неопределён и шаток. Отложенное рождение ребенка – часть миграционной стратегии молодого мужчины, который работает в России на протяжении 10–11 месяцев в году, приезжая домой только в недолгий “отпуск”. Желания жены в расчет не принимаются и не обсуждаются. А. Темкина отмечает: *«Традиционализм может быть помышлен как жесткий контроль старших поколений и мужчин над женской сексуальностью. ... Сексуальность женщины становится её “судьбой”, которая тождественна браку и подчинению мужу (и/или расширенной семье)»* (Темкина 2005: 12).

Таким образом, миграции формируют новый контекст семейно-брачных отношений; подчиненное положение женщины сохраняется, но принимает другие формы (так, при отсутствии мужа, который может выступать посредником в общении со старшими родственниками, женщина становится более зависимой от свекрови). Положение женщин Каратегина и схожих регионов ёмко описывает Г. Вигманн: *“...В шести районах Раштской долины – Джиргиталь, Таджикибад, Гарм, Файзабад, Рогун, Нурабад и в Шурабадском районе Хатлонской области женщины имеют одинаковые экономические, культурные и социальные ресурсы, что в конечном итоге определяет их социальный статус в сообществе. По сравнению с женщинами Бадахшана и Душанбе уровень вовлеченности женщин этих районов в процесс построения гражданского общества очень низок, они исключительно замыкаются в рамках семьи и межличностных отношений. По моему мнению, одна из причин такого положения дел, это невысокий образовательный уровень женщин в этих двух регионах. Девочки обычно посещают школу на протяжении четырех–пяти лет и даже не получают среднего образования. Более того, существует тенденция вообще не посылать девочек в школу – вместо этого их образованием занимается местный мулла. В сфере частной жизни мужчины и женщины полностью разделены. Для мужчин и женщин существуют различные границы свободы. Женщины находятся под строгим контролем своих семей до момента замужества. После этого они переходят под контроль своих мужей и уже их семей. И только приближаясь к пятидесятилетнему возрасту, дав жизнь детям и воспитав нескольких детей, женщина может почувствовать себя более свободной”* (Вигманн 2005: 168–169). Таким образом, социальная структура общества Каратегина и отношение общества к женщинам влияют на характер миграций из региона – женщины не выезжают на заработки в другую страну, так как более традиционалистский (и исламистский) общественный порядок, закрепившийся в Каратегине, преграждает им путь из дома на чужбину. Низкий уровень образования женщин, слабый опыт взаимодействия за пределами локальной общины, достаточно длительное исламское управление, которое усилило символическую изоляцию женщин, сдерживают женскую миграцию из данного региона, несмотря на то, что массовая мужская миграция без женщин создаёт целый ряд проблем для сообщества.

Размышляя об изменениях в брачном поведении важно отметить и существенные сдвиги в половозрастной структуре населения. Массово выезжая на заработки, не все

Рис. 1. Молодая девушка в свадебном наряде. Таджикибадский район. Август 2010 г.
Фото автора

молодые люди возвращаются в родной кишлак, чтобы жениться; кто-то остается в принимающей стране. В результате не всем молодым девушкам, вступающим в брачный возраст, родители могут подыскать жениха. Если идеальный возраст для замужества (по оценкам местных жителей, 18–20 лет) уже миновал, девушку не могут сосватать за молодого человека, неженатого прежде: она остается жить в родительском доме. Этот вопрос затронули в разговоре пожилые люди. Приведу несколько фрагментов беседы со стариками: *“Один сын уже 11 лет в России. Жену с собой не забрал, у него там другая жена. Сын от нее есть”* (ПМА, 2010, мужчина 65 лет); *“Выдают девушек замуж в 18 лет. Но в каждом доме есть 1-2-3 дочери, которые не замужем. Не смогли их выдать, парней нет. Парни в России работают. Эти девушки остаются с родителями, родители их не пускают [работать, в Душанбе, или на заработки в другую страну. – Н.З.]”* (ПМА, 2010, мужчина 62 лет).

Незамужних дочерей приходилось видеть и мне в разных домах селения. Информант из Джиргитала очень ярко и ёмко сформулировал социальные проблемы, связанные с отсутствием мужчин: *“Бедняги наши женщины. Многие до 30 лет не могут выйти замуж, мужчин не хватает. А сколько разведенных... Как-то раз я подвозил группу женщин, одна из них с горечью сказала: “Ладно, доллары, деньги [муж из России] посылает, это не так важно. Но они [мужчины] там ведь в России женились...”* (ПМА, 2010; мужчина 55 лет). Так, последствия недавней гражданской войны наложились на отсроченное воздействие массовой миграции, что привело к серьезным социальным проблемам в обществе.

Жизнь “здесь” и “там”. Case 5. Строители новых домов. На новых участках вокруг кишлака летом строительные работы в разгаре – здесь есть построенные дома, куда переехали хозяева и ведут мелкие отделочные работы; какие-то дома подводят под крышу; где-то возводят стены; мастера формуют и сушат сырцовые кирпичи. Стены одного дома возводили несколько мужчин – родственников. Старшим у них был мужчина 45–50 лет; этот дом он помогал строить племяннику. Такую форму родственной помощи можно считать *хашаром*, однако это уже скорее пережитки данной традиции – могут помочь самые близкие родственники и чаще всего только при возведении стен.

Старший, информант М. работал в Иркутске начиная с 1996 г.; перестал выезжать на заработки только два года назад. Работал на рынке, а затем на различных строительных объектах. Иногда оставался в Иркутске по несколько лет; потом рабочие стали зимой возвращаться домой. В холодный сезон в строительстве есть работа только мастерам, занятым на внутренней отделке помещений; штукатурам и кладчикам работы нет. У этого мужчины 6 детей – 3 дочери и 3 сына. Дочери замужем, свадьба старшего сына была запланирована после окончания месяца Рамадана. Среднего сына отец собирает женить через год; младший сын еще в начальной школе. Оба старших сына в момент проведения моего исследования находились в Иркутске. Отец не планирует строить дом старшему сыну к свадьбе: *«Скажу: “Вот тебе земля, давай, милый, как хочешь. Если на дом не заработал, придется еще раз поехать. Или если у тебя медовый месяц, медовый год, живи тогда пока с родителями”*» (ПМА, 2010; мужчина 46 лет).

Также М. отметил: *“Не ездят в Россию те, у кого есть какая-то работа. Впрочем, и здесь тоже есть работа. Вот, например, я в этом году два похожих дома строил, по 2–2,5 тысячи сомони получил. Но там, в России, как мне кажется, лучше [с работой]. И вообще мне там нравится. Вот я уже два года не был, соскучился. Что там нравится? Проснешься с утра, идешь на работу. Суббота, воскресенье – выходной. Мы, например, не каждые выходные, но в месяце 1–2 раза ездили на Байкал, там отдыхали. Очень хорошо там. По 20 тысяч получали, по 10–15 тысяч домой отправляли, и себе оставалось. Кушать нам давали на работе. 3 тысячи за квартиру каждый месяц платил. И еще по дороге, что нужно было домой из продуктов, покупал. Ну, и она [квартирная хозяйка – Н.З.] хорошо получала, и она покупала”* (ПМА, 2010; мужчина 46 лет).

Во время разговора с А. и М. была затронута тема так называемых “русских жен”¹⁰. Мужчины отметили, что такие “жены” есть почти у всех, кто постоянно выезжает на заработки в Россию. Они рассказали свои истории, отзываясь о женщинах с большой теплотой. У обоих мужчин “русские жены” являлись хозяйками квартир, которую снимали мигранты: *«А.: Мы уже почти как родственники стали. М.: Относилась ко мне очень хорошо. Когда мои сыновья приехали работать в Иркутск, тоже им сразу регистрацию сделала. Соб.: Как ваши жены, которые остаются в кишлаке, относятся к тому, что появляются “русские жены”. А.: Жены нормально относятся. Если мы, например, в Курган-Тюбе или Душанбе поедem, там себе жену заведем – очень большой скандал будет. А так они [жены] думают: “Ладно, он все равно через год вернется... Лишь бы деньги присылал, помогал”*» (ПМА, 2010; мужчины 40 лет).

Рис. 2. Строители новых домов. Таджикабадский район. Август 2010 г. Фото автора

В приведенной беседе затрагивается несколько сюжетов. Помимо описания успешного миграционного опыта и его экономического эффекта (свадьбы детям, трудоустройство сыновей в Иркутске) важной темой становятся размышления информанта о жизни “там”. Эта тема затрагивалась во многих беседах с жителями кишлака, которые длительное время работали в России. Мужчины поколения “отцов”, которые уже прекратили поездки, с удовольствием вспоминают свой опыт, и обмениваются сходными переживаниями. Миграция становится важным экзистенциальным переживанием в жизни людей – их мир раздвигается, рамки представлений, воспоминаний и образов становятся намного шире. О. Бредникова и О. Ткач отмечают: “Меня место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но перекраивают жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности. ... Они живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со-)общество” (Бредникова, Ткач 2010: 72–73).

У мигрантов появляются новые социальные связи, в том числе дружеские и семейные (так называемые русские жены). Таким образом, прекратив поездки, человек, оставаясь привязанным к своему горному кишлаку, живёт ритмом и представлениями, которые разнесены по огромному пространству. Мужчины поколения “сыновей”, которые продолжают поездки на заработки, одновременно находятся “здесь” и “там”; их жизнь в двух странах и сообществах соотнесена друг с другом сложной системой взаимодействий. Поэтому в дальнейшем изучении миграций на постсоветском пространстве представляется продуктивным использовать метод “многих мест” (multi-sited ethnography), который в настоящий момент не представлен на российском исследовательском поле.

Возвращение домой. Case 6. Глава большой семьи. А. – мужчина примерно 40 лет. Первый раз поехал в Москву в 1998 г., там у него был знакомый. До отъезда владел

аптечным киоском в райцентре; чтобы собрать денег на поездку, продал дело. Работал на строительстве завода “Эфес-Пильзнер” в Бирюлево. Первое время рабочие жили рядом со стройкой в перелеске, построив там временки. В дальнейшем А. работал на самом заводе, а также во многих других районах Москвы и Московской области – в Теплом Стане, Химках, Зеленограде. А. периодически приезжал домой на некоторое время, потому что заболела и умерла его мать, а позже отец. В 2005 г. А. был вынужден окончательно вернуться на родину, так как на него лег груз ответственности за младших сестер, братьев и хозяйство. Он старший сын в семье; у него шесть братьев и три сестры. А. во время своих приездов домой приглашал братьев с собой на работу, и в настоящее время четверо его братьев работают в России в строительной фирме, которая посылает их на различные объекты, например, в Егорьевск (мебельная фабрика), в Сочи и Краснодар и т.д. Некоторые братья уже получили российское гражданство. А. помог братьям с расходами на их свадьбу, а для одного брата построил дом. Самый младший брат – студент в Душанбе. Сестер он выдал замуж, дома пока осталась только самая младшая сестра. На заработанные в России деньги А. приобрел КАМАЗ и двухкомнатную квартиру в Душанбе. Он арендует 1,5 гектара земли, где выращивает рапс в качестве кормовой культуры для собственных коров и телят. (ПМА, 2010; мужчина 40 лет)

Приведенный пример наглядно показывает, как миграция становится семейной стратегией. Мой информант на правах старшего принимает решения и заботится о членах своей большой семьи. Братья договариваются о том, кто из членов семьи будет следить за хозяйством, а кто сможет уехать на заработки. Аккумулированные средства также расходуются внутри семьи.

При взгляде из принимающей страны исследовательская оптика естественным образом сфокусирована на мигрантах, которые въезжают в страну. При этом, возможно, в силу относительной “молодости” массовых потоков, такой взгляд не позволяет увидеть цикличности миграционных волн. Значительное число людей поколения “отцов” после 10–12 сезонов работы в России прекратили выезжать на заработки. Некоторые скопили достаточно средств, чтобы открыть свое дело (чаще всего небольшой магазин, ларек, торговую точку и т.д.), купить большегрузную машину для коммерческих перевозок; кто-то просто построил дом и сыграл свадьбу детям. Этот процесс нельзя характеризовать термином “возвратная миграция” (return migration), поскольку это явление реэмиграции тех, кто был нацелен остаться в принимающей стране. В нашем случае, поколение “отцов”, которые прекратили выезжать на заработки, изначально рассматривали свою стратегию трудовой миграции как временную. О таких мигрантах Дж. Гмелш пишет: “...Они обычно возвращаются в страну происхождения после того, как достигли поставленных целей; чаще всего это накопление определенной суммы денег. Возвращаясь, они просто выполняют свой изначальный план” (Gmelch 1980: 137).

Интересно, как меняются взгляды на миграцию у мужчин старшего поколения после прекращения поездок. Возможно, кто-то хочет для сыновей лучшей доли, чем тяжелый хлеб мигранта в чужой стране; кто-то по достижении собственных целей и вступив в следующую фазу жизненного цикла, начинает видеть ситуацию более позитивно. Приведу несколько характерных высказываний: *«Я сказал: “Сынок, ты по специальности инженер-механик, надо работать на перспективу тут [в Таджикистане], пусть деньги и маленькие. Поработай до осени в России и приезжай”*. Сын согласился». (ПМА, 2010; мужчина 55 лет из Джиргитала, находится на государственной службе, на заработки в Россию не ездил); *«Если бы не кризис, многие бы уже не ездили, здесь работа появилась»*. (ПМА, 2010, мужчина 43 лет; владелец магазина в соседнем селении, прекратил поездки два года назад).

Таким образом, процессы циклической миграции приводят к возвращению определенного числа мужчин на родину. С другой стороны, демографическая структура

таджикского общества со значительной долей молодежи определяет постоянную подпитку миграционного потока.

Заключение. В настоящей статье я постаралась показать жизнь одного селения через призму миграционных процессов, их комплексное влияние на структуру сельской общины и включенность в повседневные реалии его жителей. Как видно, широкомаштабная трудовая миграция затрагивает все стороны жизни каратегинских таджиков, формируя новые социальные реалии и взаимоотношения, влияя на стратегии и жизненные планы жителей, находя отражение в ежедневных практиках и крупных событиях жизненного цикла, изменяя структуру потребления и материальных запросов и т.д. Значительное влияние приобретают горизонтальные социальные сети – решение о миграции принимается и обсуждается с братьями, друзьями, одноклассниками. Меняются сферы ответственности; комплекс миграционных решений представляется гибкой семейной стратегией; трансформируются брачные стратегии. Таким образом, наиболее верным представляется видение миграции как социального явления, сложной комбинации разных факторов. Миграционные циклы тесно соотносятся с важнейшими этапами жизненного цикла – женитьбой, рождением детей, женитьбой сыновей или выдачей замуж дочерей.

Успешный опыт работы на выезде становится инструментом экономической стратегии и мобильности на месте – люди покупают жильё в городе, машины для грузоперевозок, открывают собственное дело. Заработанные деньги могут помочь не только в реализации собственных планов, но и планов детей и пожилых людей. Так, например, несколько стариков из изучаемого кишлака смогли совершить хадж в Саудовскую Аравию благодаря материальной поддержке своих сыновей.

Можно сказать, что миграция для жителей Таджикистана стала повседневностью. В статье я намеренно не затрагивала влияние заработков трудовых мигрантов на жизнеобеспечение их семей, поскольку это является очевидным. Мне хотелось более выпукло представить то, что скрывается за денежными потоками, какие новые смыслы вкладываются в миграцию. Настоящий очерк не претендует на полноту и всемерный охват всех следствий миграционных процессов, которые можно заметить в Республике Таджикистан. В частности, в нем нет женской миграции, которая нарастает в ряде других регионов Таджикистана. Это связано с местными особенностями, которые отмечались в начале статьи. Низкий уровень образования женщин, слабый опыт взаимодействия за пределами локальной общины, достаточно длительное исламское управление, которое усилило символическую изоляцию женщин, сдерживают женскую миграцию в данном случае, несмотря на то, что массовая мужская миграция без женщин создаёт целый ряд проблем для сообщества.

Каждый регион и отдельные селения в нем имеют локальные особенности, специфические причины, характерные черты и последствия миграционных процессов. Выбранный для исследования кишлак позволил представить как общие черты миграционных процессов, так и региональных особенностей. Умножение анализа особенностей, изучение происходящих процессов на микро-уровне позволяют увидеть миграцию объемно и могут служить основой дальнейших исследований по этой теме.

Примечания:

¹ Подробный обзор существующих публикаций см. в работе: *Зотова* 2010.

² Анализ существующей литературы и подходов см., например, в работе *Vertovec* 2007.

³ См., например: “Таджики-галыча Каратегина...народ очень промышленный ..., но эти промыслы недостаточны для прокормления жителей. ... Молодые люди края уходят массами искать заработки на стороне, в городах равнины” (*Шишов* 1910: 12–13).

⁴ Так широко распространенный картофель сыграл роль трагического символа во время гражданской войны. В.И. Бушков и Д.В. Миккульский в 1993 г. писали: “...в такого рода столкновениях противоборствующим сторонам зачастую бывает трудно отличить своих от чужих.

Поэтому часто в качестве отличительного признака выступает некий бытовой или языковой символ. В условиях Таджикистана таким символом, отличающим каратегинцев, стало слово “тухма” (яйцо), которым в Каратегине обозначают картофель. По сообщениям, пикеты регарцев, блокировавших Душанбе с севера, останавливали всех проходивших мужчин, которые пытались уйти через перевалы в Ленинабадскую область, показывали картофелину и требовали её назвать. Тех, кто произносил слово “тухма”, идентифицировали как каратегинцев, немедленно уводили и расстреливали” (Бушков, Микульский 1993: 30).

⁵ По поводу материальных символов успешной миграции на примере Аштского района Таджикистана, а также в сравнении с Турцией см., например: *Зотова* 2008.

⁶ Цепная миграция (*chain migration*) – широко известный социологический термин, который применяется в значительном количестве работ по миграционным исследованиям, а также в формулировках в области миграционного законодательства и его применения. (см, напр.: *MacDonald and MacDonald*, 1964: 82).

⁷ Про *хашир*, практику безвозмездной помощи см., напр. *Абдулхамидов* 1981: 55–76; 132–155.

⁸ Речь идет об экономическом кризисе 2008–2009 гг.; влияние кризиса продолжало ощущаться на заработках мигрантов в 2010 г.

⁹ В частности, это показывает ряд исследований мексиканских мигрантов. (*Boyd* 1989: 642).

¹⁰ “Русские жены” – термин, которые используют сами мигранты в своих нарративах. Они имеют в виду своих постоянных партнерш в России, со многими из которых поддерживается связь на протяжении ряда лет.

Литература

- Абдулхамидов* 1981 – *Абдулхамидов А.* Из истории народной ирригационной практики в зоне предгорий Узбекистана в XIX–нач. XX в. (историко-этнографическое исследование). Ташкент, 1981.
- Бозрикова* 2009 – *Бозрикова Т., Базидова З.* Оценка нужд и потребностей женщин трудящихся – мигрантов. Таджикистан // Оценка нужд и потребностей трудящихся женщин – мигрантов. Центральная Азия и Россия. ООН Фонд развития для женщин, UNIFEM, МОТ. 2009.
- Бредникова, Ткач* 2010 – *Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
- Бушков, Микульский* 1993 – *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Таджикистан: что происходит в республике? // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. № 40.
- Бушков, Микульский* 1997 – *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992–1996). М., 1997.
- Вигманн* 2005 – *Вигманн Г.* Таджикские женщины и социальные изменения: взгляд с западной стороны // Гендер: традиции и современность. Сб. статей по гендерным исследованиям / Под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005.
- Зотова* 2008 – *Зотова Н.А.* Восприятие миграции в стране исхода: Таджикистан // *Вестник Евразии*. 2008. № 2. С. 29–43.
- Зотова* 2010 – *Зотова Н.А.* Узбекские общины в России: новые “диаспоры” (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010. № 222.
- Касымова* 2007 – *Касымова С.* Трансформация гендерного порядка в таджикском обществе. Душанбе: “Ифрон” 2007.
- Кисляков* 1954 – *Кисляков Н.А.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад: “Таджикгосиздат”, 1954.
- Олимова, Боск* 2003 – *Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе, 2003.
- Олимова, Олимов* 2007б – *Олимова С., Олимов М.* Гендер и миграция: что заставляет мужчин ехать на заработки? // http://eawarn.ru/pub/Bull/BullFiles2007/74_49.htm (Дата обращения: 02.06.2011).
- Олимова, Олимов* 2010 – *Олимова С., Олимов М.* Таджикские трудовые мигранты во время кризиса // *Демоскоп Weekly*. 22 марта – 4 апреля 2010. № 415–416, <http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/tema05.php> (Дата обращения: 17.06.2011).

- Олимова, Олимов* 2011 – *Олимова С., Олимов М.* Доклад “Влияние трудовой миграции на человеческий капитал: случай Таджикистана” на XII Международной конференции по проблемам развития экономики и общества. 5–7 апреля 2011 г., ГУ ВШЭ, Москва.
- Ривз* 2009 – *Ривз М.* По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009 № 4 (66). <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1456/1478/> (Дата обращения: 20.03.2012).
- Темкина* 2005 – *Темкина А.* Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям / Под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 6–91.
- Трудовая миграция 2008 – Трудовая миграция в республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты: Сб. статей / Отв.ред. Е.В.Абдуллаев. Ташкент, 2008.
- Шишов* 1910 – *Шишов А.* Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I: Этнография. Ташкент: Тип. “Туркест. Т-ва Печ. Дела”, 1910.
- ПМА, 2010 – Полевые материалы автора; записаны в Таджикибадском и Джиргитальском районах Таджикистана.
- Abadan-Unat* 1977 – *Abadan-Unat N.* Implications of Migration on Emancipation and Pseudo-Emancipation of Turkish Women // *International Migration Review*. 1977. № 11 (1). P. 31–57.
- Boyd* 1989 – *Boyd M.* Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23. No. 3: Special Silver Anniversary Issue: International Migration an Assessment for the 90’s. P. 638–670.
- Dynamique migratoires* 2010 – *Dynamique migratoires et changements societaux en Asie centrale* / Ed. by M. Laruelle. Paris: Editions Petra, 2010.
- Families of Migrants* 2007 – *Families of Migrants in Tajikistan*. International Labour Organization – Sharq. Dushanbe: Irfon, 2007.
- Gmelch* 1980 – *Gmelch G.* Return Migration // *Annual Review of Anthropology*. 1980. Vol. 9. P. 135–159.
- Hage* 2005 – *Hage G.* A not so multi-sited ethnography of a not so imagined community // *Anthropological Theory*. 2005. Vol. 5. No. 4. P. 463–475.
- Harris* 2004 – *Harris C.* Control and Subversion. Gender Relations in Tajikistan. London: Pluto Press, 2004.
- Khusenova* 2010 – *Khusenova N.* La feminization des migration de travail tadjikes en Russie // *Dynamique migratoires et changements societaux en Asie centrale* / Ed. M. Laruelle. Paris: Editions Petra, 2010. P. 278–298.
- MacDonald and MacDonald* 1964 – *MacDonald J.S., MacDonald L.D.* Chain Migration Ethnic Neighborhood Formation and Social Networks // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1964. № 42. P. 82–91.
- Olimova, Olimov* 2007a – *Olimova S., Olimov M.* Labor Migration from Mountainous Areas in the Central Asian Region: Good or Evil? // *Mountain Research and Development*. 2007. Vol. 27. No. 2. P. 104–108.
- Vertovec* 2007 – *Vertovec S.* Introduction: New directions in the anthropology of migration and multiculturalism // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 6. November 2007. P. 961–978.

N.A. Zotova Kishlak by the River: A Case Study of the Migration Process in One Settlement

Keywords: Central Asia, Tajikistan, migration, migration processes, social processes

The article discusses the life of a Tajik settlement through the prism of migration processes and their impact on the structure of a rural community and presence in the everyday reality of the settlement’s inhabitants. A large-scale labor migration shapes new social realities, being reflected in everyday practices as well as important life-cycle events (marriages, etc.); it further alters the structure of consumption and material demands. The examination of migration processes through the study of a single settlement helps to understand both the common aspects of labor migrations coming out of Tajikistan, with their ways of influencing social life, and the particular regional aspects.